

ТРИ КАРТОФЕЛИНЫ

Она лежала в густой пыли проселочной дороги. Я обомлел: надо же подвернуться такому счастью!.. Подкатила сладостная слюна. Картофелина, от которой я не отрывал взгляда, была величиной с хороший мужской кулак.

Однажды во мне вот так же все пело при виде помидорных грядок. Это было в Узбекистане, где в 1942 году я, восьмилетний, эвакуированный из Москвы мальчишка, собирал томаты для госпиталей. Первую, самую большую помидорину - удивительно, как быстро отыскал ее глазами - попытался засунуть в рот целиком. Голод толкал к какой-то необъяснимой безрасчудности, ярости... Сок тек по подбородку, на рубашонку, я подхватывал его пальцами, будто истекающую из меня кровь. Жадно ел одну томатину за другой, пока не насытился и не почувствовал отвратительной тяги все это выбросить из себя. С тех пор не терплю помидоры.

...И вот еще одно счастье военной поры - картофелина в дорожной пыли. Хотел крикнуть: «Мама» - она ехала

ФОТО АЛЕКСАНДРА МАТЮШКИНА

впереди на телеге. Но вдруг и мужик, взявшийся подбросить нас до ближайшей деревни, позарится на эту картофелину? И я промолчал. Зыркнул глазами туда, сюда - и увидел еще две такие же картофелины, наверное, оброненные с ранее проехавшей повозки.

Мы брели с матерью по пустым проселкам со скудным домашним барахлишком в руках, надеясь обменять его у крестьян на какой-никакой шматок сала, килограмм-другой картошки. Дома сидела полугодолная шестилетняя

сестренка, всякий раз выразительно взглядывавшая на возвращающегося с работы отца: мол, не принес ли чего сладенького... Отец, заботясь о семье, недоделал больше всех - калека Гражданской войны, давно привыкший к невзгодам. А тут такое везение - сразу три крупные картофелины! Я упал на колени и руками перебрал всю пыль в колдобине, надеясь отыскать еще хоть один клубень. Нет...

Из-за окоема поднималась подмосковная деревня. Мы чаяли найти в ней свою удачу. Однако и она жила в крепкой нужде. Господи, ты подарил мне три картофелины, чего еще можно желать!.. «Мама, правда, я нашел их на дороге», - сказал на ее молебный вопрос: «Где взял их?»

«Сынок, на жаренку хватит... Три картофелины на четверых. В тот день на коммунальной кухне шварчала только наша сковородка. Плыл божественный дух... Мою картошку жарили на рыбьем жире.

- Вовке на ложечку побольше, - заметила мама, раскладывая по тарелкам картошку.

Это было в счастливом для меня 1943 году. И до сих пор нет ничего вкуснее, чем жареная картошка.

Владимир ЧЕРТКОВ

ПАМЯТЬ РУБЛЕМ НЕ ИЗМЕРИТЬ

Вот уже шестой год проходит фестиваль детского и юношеского литературного творчества «Подсолнушек». Среди его организаторов - Московская городская и областная организация Союза писателей России и домовый комитет общественного самоуправления территориальной общины микрорайона Велозаводский. Как и каждый детский фестиваль, «Подсолнушек» стремится выявить наиболее одаренных ребят. Однако главная задача - военно-патриотическое и гражданское воспитание. Поэтому все его участники присылают работы о войне. Казалось бы, дети, которые родились спустя много десятилетий после войны, что могут о ней написать? Однако организаторы уверены, что память всегда живая. И хранится она не только в музеях или произведениях искусства, но и в семьях.

«Мой прадед пропал без вести. Нет его ни в списках живых, ни в списках мертвых. Наверное, где-то захоронен. Если бы я знал, обязательно бы поехал, пусть это и будет очень далеко, и положил бы цветы на его могилу. Ведь прадед мой погиб, чтобы жил я», - эти строки ученика 7-го класса школы № 469 Юры Кузнецова из сочинения, опубликованного в первом сборнике «Дети о войне», который вышел к 55-летию Победы в Великой Отечественной войне при поддержке Комитета общественных и межрегиональных связей правительства Москвы. Книга имела большой резонанс и среди ветеранских организаций района Южно-

портовый. Правда, финансовые средства позволили издать сборник тиражом лишь 1400 экземпляров.

Нынешний фестиваль особенный - он приурочен к 60-летию Победы. Уже сейчас на конкурс поступило свыше 1200 детских работ: стихотворения, рассказы, другие произведения малых жанров. Организаторы планируют издать и новый сборник детских работ. Однако по-прежнему на пути к цели встают финансовые трудности.

Те, кто готов помочь в издании сборника «Дети о войне», могут перечислить средства на следующий счет:

Получатель
ООО «МИКОПРИНТ»
ИНН/КПП 7730080178/773001001
ОГРН 1027700378969
ОКПО 42957769
ОКОНХ 19400
Юр. адрес: 121170 Москва, Кутузовский проспект, д. 41
Центральное ОСБ № 8641 г. Москва
Р/с 40702810138330101519
К/с 30101810400000000225
Сбербанк России, г. Москвы
БИК 044525225

Организаторы фестиваля готовы указать в сборнике фамилии людей и названия организаций, которые помогли в его издании.

Вера ЛАЗАРЕВА

«ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»

Этот марш впервые прозвучал в 1912 году и торжественно гремит вот уже почти сто лет

Стою у скромного серого надгробия на Ваганьковском кладбище. Здесь покоится прах полковника в отставке Василия Ивановича Агапкина, скончавшегося в октябре 1964 года. На камне - стертая позолота трех первых тактов легендарного марша «Прощание славянки». Многие до сих пор считают эту мелодию народной. Спасибо библиотекарям бывшей «Ленинки» - они помогли установить истину.

...Волею случая десятилетний крестьянский парнишка стал воспитанником оркестра 308-го пехотного полка в Астрахани. Ему дали для учебы самую маленькую, но очень звонкую трубу корнет-а-пистон. Почти четырнадцать лет играл Василий в разных полковых оркестрах, сам пробовал сочинять мазурки, вальсы. Но звездный его час наступил в 1912 году, когда он служил штаб-трубочком в 7-м кавалерийском полку, что стоял в Тамбове. Сербь, черногорцы, македонцы с помощью русских добровольцев тогда окончательно сбросили с себя османское иго, войска дошли до Стамбула. Ликовала вся Россия.

В письме товарищу В. Агапкин писал: «Что-то дрогнуло в моей душе, заискрилось, я услышал в себе мощную волну торжественной музыки». Нет, он не написал «Славянку» в одну ночь, как капитан французской армии Руже де Лиль «Марсельезу», оставившую до наших дней официальным гимном Франции. Василий Иванович провел у рояля не одну ночь, писал ноты, рвал листы, начинал заново, пока наконец не при-

гласил домой капельмейстера оркестра и сыграл ему марш на любимом кларнете. Тот прослезился: «Вася, это гениально!»

Впервые «Славянка» прозвучала на перроне вокзала в Тамбове в октябре 1912 года в честь отбывающих на Балканы добровольцев. Вскоре марш играли все военные оркестры России. В дневнике В. Агапкина появились строки: «Марш написан мною по поводу балканских событий 1912 года. Он посвящается всем славянским женщинам».

...Повернулось колесо истории, Октябрьский переворот разделил «единую и неделимую Россию» на красных и белых. Но полки и красноармейцев, и белогвардейцев уходили сражаться под звуки «Прощания славянки». Сам Агапкин служил в Красной Армии. Заболел тифом, попал в Тамбов, а затем переехал в Москву. Жил с женой и дочкой в небольшой квартире на Садовом кольце. Вновь вернулся в строй военных музыкантов, дослужился до звания военинтенданта I ранга, дирижировал оркестром мотострелковой дивизии им. Дзержинского. Порой вечерами его оркестр давал концерты в саду «Эрмитаж», и всегда из публики раздавались возгласы: «Славянку!» В октябре 1941 года Агапкина пригласил к себе маршал С. Буденный. Под строжайшим секретом сообщил, что по распоряжению И. Сталина решено 7 ноября отметить парадом на Красной площади. Агапкину поручалось собрать сводный оркестр.

ФОТО АНДРЕЯ НИКЕРИЧЕВА

Как вспоминал дирижер, 7 ноября 41-го ударил мороз, музыканты грели инструменты под шинелями, чтобы не заело клапаны. В боевой форме проходили по площади мотострелковые, кавалерийские части, отправляясь отсюда на фронт. И вдруг зазвучали трепетно-торжественные звуки «Славянки» - в честь матерей и жен, по всей стране провожавших своих близких на войну.

...Многие помнят многосерийный телефильм «Летопись полувек». В ленте «Год 1945» можно было увидеть и полковника Агапкина в белом кителе с дирижерской палочкой. Ему выпала честь вместе с генералом Чернецким дирижировать тысячерубным оркестром на Параде Победы в 1945 году.

Как вспоминают ветераны Отечественной войны, музыка тоже была их оружием - она помогала верить в победу.

Георгий ЯКОВЛЕВ

Десятилетним мальчишкой Давид Дубман прочитал «80 тысяч лье под водой» Жюль Верна. Судьба его была решена. Я стану командиром подлодки, сказал себе мальчуган. Он стал командиром подводной лодки. Но шел будущий морской волк к своему морю, к своей подлодке, сквозь войну. Чтобы дойти до моря, требовалось выжить.

ШЕЛ СОЛДАТ К МОРЮ...

Знойным выдалось 22 июня 41-го в Москве. 22 пацана (одноклассники), потные и уставшие, насупившись, сидели на вещевых мешках подле стен одного из столичных военкоматов. Только вчера ребята окончили 9 классов люберецкой школы. А сегодня школяров не хотели брать в армию: многим из них, в том числе и Давиду, еще 17 не исполнилось. Но через год будет поздно, рассуждали они - немцев побьют без них, а они опять опоздают. Как в финскую. Мимо пробежал юркий рыжий парнишка, мельком взглянул на страдалцев, прогундосил ехидно: «Сидите, дураче, а в Сокольниках в комсомольский батальон записывают». Три часа спустя им уже выдали обмундирование, мосинские (производства 1912 года), в масле, винтовки - гигантского размера трехлинейки и 60 патронов. Давиду досталась винтовка с загнутым ствольным затвором - снайперская. А записали его во взвод разведки Отдельного московского комсомольского батальона. 27 июня 570 мальчишек приняли присягу на Белорусском вокзале, сели в теплушки и поехали на фронт.

Ехали долго. Страшно бомбили. В пути оставались, укладывали новые шпалы взамен развороченных немецкими авиабомбами и снова ехали на запад. Наконец эшелон встал. Справа поле, слева лес. На горизонте показалась танкетка. Она быстро приближалась, оттуда выскочили двое. «Что за часть? - спросил один из них, старший офицер. - Понятно, - хмуро кивнул, выслушав ответ комбата. - А теперь слушайте меня. Хутор видите? На бугре. Это ваш правый фланг. Дальше село - там колокольня стоит. Это левый фланг. Приготовьтесь к танковой атаке. И если хоть одна б... побожит...», - он выразительно взмахнул маузером.

Они отбили атаку - 17-летние парни. Подорвали около 20 танков. Потеряли в первом бою почти 200 человек. «В этой сече выжили стали солдатами», - сказал Дубман, вспоминая свой первый бой. - Теперь каждый из нас стоил пятирых». Был месяц август.

Они оказались в брянских лесах, в немецком тылу, полностью отрезанные от своих, и с непрерывными боями пробивались к Смоленску.

- Я был членом разведгруппы, - рассказывал Давид Миронович. - В мою обязанность входило устранение часового.

Ночь, хуторок, где расположился штаб немецкой части. Качался фонарь. Часовой вышел из зоны света и закурил. Давид полз к нему вдоль бревен, лежащих у амбара. Замер, снова двинулся вперед. Достиг расчетной точки. Приготовился. Пригнул. Убитый немец осел у него в руках. Положил труп на землю, вынул клинок из тела, пошла кровь. Взял в руки автомат - заступил на пост. Ребята подкрались к штабу. Матерый поплылся язык, здоровенный штаб-майор. Колосков (дружок-разведчик) вскрыл сейф, взял документы.

Уходили лесом, болотами. Волоком тащили оплуненного фрица. Через два часа немцы опомнились, началась бешеная пальба, пустили собак. Группа вышла к шоссе - там стояли немецкие бронемашинки. Залегли. Прошли танки, артиллерия, проехали грузовики с пехотой. Зацоккали копыта: лошади - обоз! Тут надо было действовать. Приготовились, как вдруг кто-то из обозников, видимо, заметил одного из наших. Немцы, словно желуди с дуба, посыпались с телег. Закричал страшным голосом Колосков: «Давид, сзади!» Оглянулся - летит, выставив перед собой штык, огромный немец. Выстрелил Дубман, а немец не падает, ноги его под откос вперед несут. Ткнул на Давида штыком и плюхнулся в траву. Резануло в груди, промочила гимнастерка. Солдат вытащил штык, отбросил - некогда, надо было бежать через шоссе.

Они бежали буераками, лощинами, заматали следы. Наступила ночь. Набредли на сеновал. Легли. Осмотрели рану - дыра в груди зияла. Через два часа ребята привели фельдшера. Он был немного поддатый и матерился, как боцман: «Сучьи дети, шо ж вы мне толком порты одеть не дали. Струмент я свой не взял. Ну шо, хлопцев, - осмотрел на Давида, - не в жопу ранен, в грудь. Давайте спирт». Фельдшер обмыл спиртом два ножа, налил полстакана себе - чтоб рука была твердой, полстакана пациенту. «Извини, хлопцев, резать буду по живому». Он чистил рану, он резал плоть и ворчал: «Вот же ш, крпкий парень, дюже крпкий». Потом распустили в спирте дратву, растянули на прыди, которыми фельдшер зашил рану. Через несколько дней батальон встретил в лесу пробравшихся к своим врачей и медсестер - персонал военного госпиталя. «Меня зашили заново, - улыбаясь Давид Миронович, - тонко и ласково. Сказали, будешь, как виноградная лоза». Был месяц август.

Два месяца спустя они вышли к Брянску, к своим. От батальона остался 91 человек.

Октябрь 41-го. С одной из вновь сформированных рот Дубман попал под Малоярославец. Немецкие позиции располагались совсем рядом. Напротив находились немецкие егеря - опытные стрелки. Давид - снайпер - окопался в брошенных траншеях. За сутки он «снял» трех офицеров. Немцы этого стерпеть не могли и начали охоту за русским снайпером. Он видел, как летела граната, он хотел скользнуть в траншею. «А вдруг и граната туда нырнет», - подумал он, прикрыл голову саперной лопаткой и прижался к земле. Граната разорвалась в полутора метрах от него. Лопатку согнуло. Левая рука повисла - в нее попало четыре осколка. Но кричать нельзя. Шевелиться нельзя. Стрелять нельзя: позиция пристреляна, чуть что - егеря уже снайпера не упустят. Он лежал два дня и две ночи в окопе, терпя кровь. На третью ночь до него добрались свои - волоком, на шинели, притащили в часть.

Потом был госпиталь в Казани. А потом - приказ Сталина: вернуть в авиацию всех, кто имеет к ней отношение. До войны Дубман несколько лет посещал аэроклуб, летал. Приказы не обсуждают. Он окончил школу штурмовой авиации. Новый приказ - зачислить в Ленинградскую военно-воздушную академию, расквартированную в Йошкар-Оле. За семь месяцев учебы Дубман подал три рапорта о переводе на фронт, дважды за это сживал на гауптвахте. Наконец начальник академии сдался: «Уцелеешь, - сказал на прощание, - определю на второй курс». Служил старшим авиамехаником звена на Степном и Втором Украинском фронтах, воевал в Румынии, Венгрии, Чехословакии. Войну закончил под Братиславой.

1945-й год. Август. Молдавия. В штурмовой авиакорпус на имя Дубмана пришел вызов из штаба 5-й воздушной армии. Приказы не обсуждают.

- Вас вызывают в Ленинград, в военно-воздушную академию, - сказал ему в штабе кадровик-полковник.

- Никак нет, не поеду, - отчеканил старший сержант. - Я на флот хочу.

- Что? Приказ обсуждать? Von отсюда!»

Два дня спустя Дубман появился в приемной командующего пятой армией генерал-полковника Горюнова.

- Пакет, совсекретно, лично в руки, - доложил Давид адъютанту.

Стоял он перед генералом с пакетом, набитым рваными бумагами, и думал: «Ну теперь моя песенка спета». У Горюнова глаза на лоб полезли, когда он услышал исповедь солдата.

- Ты, братец, смелый, - усмехнулся боевой генерал. - Что ж, за отвагу твою, за смекалку - будь по-твоему.

Кадровик, увидев положительную резолюцию Горюнова, чуть не поперхнулся, но в армии приказы не обсуждают.

И получил Давид Дубман направление в Ленинград, в Высшее военно-морское училище им. Дзержинского. Но это был инженерный институт. Подводников готовили здесь же, в Питере, в Высшем военно-морском училище им. Фрунзе.

- Так зачем же вы к нам прибыли? - рассердился начальник приемной комиссии училища им. Дзержинского. - Ах, разнарядка. Вот и оставайтесь, нам фронтвики нужны.

- Товарищ капитан первого ранга, - взмолился Дубман, - вы сами подводник. И я должен быть подводником!

Уступил каперанг напору юноши, написал на документе: «не сдал математику» и направил в училище им. Фрунзе.

- Не сдали, стало быть, - встретил его заместитель начальника училища им. Фрунзе. - Что ж, у вас - три дня, вы должны сдать четыре экзамена. Сдадите - милости просим.

Экзамены - физика, математика, география, немецкий язык. Парень четыре года назад окончил школу. Ночью читал учебники, днем сдавал экзамены. Получил четыре пятерки.

Нынче Давиду Мироновичу 80 лет. Он служил на Тихом океане, на Черном море, на Балтике. Был командиром подводной лодки М-3. Помнит такой фильм - «Командир счастливой «Щуки»? Одно время в СССР выпускали средние подводные лодки так называемой рыбьей серии - им давали «рыбьи» имена. Так вот, Дубман командовал подлодкой такого же (как и «Щука») класса - С-114, которую назвали «севрогой». Руководил дивизионом экспериментальных подводных лодок. В 64-м капитан второго ранга демобилизовался, но с морем не расстался. Он работал в институте географии Академии наук, в спецлаборатории. Первым в СССР (и третьим в мире, лидером здесь был знаменитый Жак Ив Кусто) в малых (военных) подлодках прогуливался в подводные каньоны. Но это уже другой рассказ. Мирный.

Владимир РАТМАНСКИЙ